

Мифы «устойчивого развития»*

Глобальное потепление или «ползучий»
глобальный переворот?

Владимир Павленко

Ранее мы сделали вывод о тождественности «устойчивого развития» и глобального управления применительно к окружающей среде и его поэтапного распространения на другие сферы глобальной политики¹. Если в условиях холодной войны иных способов вовлечения Советского Союза в «глобальный план» Римского клуба, кроме экологии, не существовало, то с его распадом ситуация изменилась. Появившийся в 1995 г. доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству «Наше глобальное соседство» («НГС»), основные положения которого воплотились в последующей деятельности ООН, выдвинул комплексную программу создания системы глобального управления, разделив его на экономическую и политическую ветви.

Увязав проблематику «окружающей среды» с природными ресурсами, авторы «НГС» признали эту связку «ресурсом» глобального управления, обеспечивающим необходимый вектор «устойчивого развития» с помощью демократии в политической сфере и рынка – в экономической. Доклад обусловил создание «эффективной системы глобального управления» рядом факторов:

- развитием и совершенствованием глобализации;
- формированием «глобального гражданского общества»;

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. E-mail: ako-pm@mail.ru

Ключевые слова: «Устойчивое развитие», глобальное управление, глобальная власть, ООН, цели развития тысячелетия, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Социнтерн, неправительственные организации.

* Продолжение. Начало см. «Обозреватель–Observer». 2010. №№ 9, 10, 11.

– поэтапной централизацией контроля над природными ресурсами;

– внедрением глобальных налогов за пользование «глобальным общим достоянием» (то есть, теми же природными ресурсами).

Заключительным условием комплексного развития этих сфер в нужном для adeptов «устойчивого развития»

русле явился проект реформы ООН. Предложивший его И. Карлссон в тот момент совмещал посты в руководстве Комиссии по глобальному управлению и Социалистического интернационала (Социнтерна) с лидерством в правящей Социал-демократической партии Швеции (СДПШ) и должностью премьер-министра этой страны.

Регионально-групповые модели реформирования ООН

Раздел, посвященный проекту реформирования ООН, в «НГС» сопровождается жесткой критикой биполярного миропорядка времен холодной войны, ответственность за которую в завалуированной, а иногда, как увидим, и в открытой форме возлагается на Советский Союз:

«...Чувство сопричастности с ООН появилось на время, когда миллионы людей, лишь номинально входившие в 1945 г. ...в «Мы, народы...», перестали быть *подданными европейских империй* и превратились в граждан новых государств, которые видели в членстве в ООН *знак утверждения их независимости...*

...Утверждение, что всемирный орган создается людьми всего мира, было не более чем пышной риторикой...

...ООН существовала для того, чтобы ее можно было использовать, а нередко и злоупотреблять ею для того, чтобы *служить орудием национальных интересов* когда это возможно; для того, чтобы ее обходить, когда нельзя было заставить служить таким интересам, и *лишь изредка ...она становилась инструментом коллективных принудительных акций.*

Новые молодые члены ООН пытались выдвинуть ее на центральное место, но большинство, которым они обладали в составе Генеральной Ассамблеи, могло только рекомендовать, но не решать. Слишком часто «новое большинство» *ошибочно принимавшее свою силу в голосовании за право принятия решений, постигало ...разочарование.* Оно просто не могло одолеть меньшинство, располагавшее

властью в Совете Безопасности или в мировой экономике...

50 лет спустя ...ООН рассматривается и людьми, и правительствами ...как глобальная третья сторона – принадлежащая самой себе...»² (курс. – Авт.).

Во-первых, здесь сразу же бросается в глаза явное противоречие между присущей докладу апологетикой эрозии государств и размывания суверенитетов и пропетой в приведенном фрагменте одой «утверждению независимости». Это главный момент, и объясняется данное противоречие достаточно просто: остракизму подвергается только сила и самодостаточность «больших», особенно имперских суверенитетов. Приветствуется же умножение мелких и слабых, обреченных на вовлечение в проамериканское «агрессивно-послушное большинство».

Почему? Это нужно для разрушения крупных государств и наделения суверенитетами этносов, субэтносов и просто административно-территориальных единиц – областей, районов, городов. После этого новоиспеченные «субъекты международного права» предполагается отделить их от общей истории, создав каждому собственную, обязательно враждебную соседям. Технологии успешной подмены понятий, как и насаждения хаоса, давно известны. Вспомним, как быстро, буквально одним росчерком пера авторов «НГС», «общечеловеческие» ценности были

превращены в «права и обязанности». А те, в свою очередь, то ли составили «моральную основу» глобального управления, то ли принялись обеспечивать его «качество». Или, например, работы С. Манна по созданию и «эксплуатации критичности» для управления ситуацией в ключевых точках планеты в национальных интересах США.

Именно таким образом бывшие общие государственные территории превращаются в террариум дерущихся между собой соседей.

А это зачем? Ясно, что для второго акта этой исторической драмы.

Разделенные новыми государственными границами, стравленные между собой и порядком одичавшие соседи с помощью инструментов постконфликтного миростроительства будут насильственно «цивилизованы» понятно каким «старшим братом», который как бы нехотя, под бурные и продолжительные аплодисменты Генеральной Ассамблеи ООН, великодушно согласится вернуть себе утраченное с концом колониальной эпохи «бремя белого человека».

С этого момента передравшиеся соседи, сами не вполне это понимая, превращаются в обитателей единого на всех «глобального скотного двора», очень похожего на оруэлловский. Заправлять в нем, разумеется, станут те, кто, несмотря на декларируемое всеобщее равенство, окажутся «равнее» всех остальных, то есть пресловутый «старший брат» в лице англосаксонского ядра современного Запада, который и станет несменяемым хозяином новой империи, уже не «европейской» или «азиатской», а глобальной.

Что будет с «недостаточно равными» из обитателей этого «двора» – отдельный вопрос. Скорее всего, абсолютному большинству из них придется опуститься в архайку и под руководством своих лидеров, встроенных в

«агрессивно-послушное большинство», прекратить потреблять и размножаться, проедаая принадлежащие хозяевам планеты невосполнимые природные ресурсы. В конце концов, концепция «устойчивого развития» именно для этого и была написана.

Имеются обоснованные подозрения, что таким же путем вскоре проследуют и другие, привыкшие к потребительскому расточительству народы.

И, наконец, всю эту спецоперацию предлагается прикрыть «фиговым листком» демагогии в духе «Мы, народы...».

Преувеличение? Вспомним формулу регионализма как инструмента установления «мира без границ»², близкую, как мы убедились, к СС-овскому плану «Европейской социалистической конфедерации».

Во-вторых, из патетики авторов доклада явно следует, что «злоупотребляя» ООН, превращая ее в «орудие национальных интересов», конечно же СССР – с помощью отдаваемого авторами на поругание права «вето»². А «инструментом коллективных принудительных акций», разумеется, оцениваемых в «НГС» позитивно – служила именно ООН в тех случаях, когда безропотно следовала в фарватере американских интересов.

В докладе приводится пример Корейской войны 1950–1953 гг., развязанной под флагом ООН после того, как СССР устранился от участия в голосовании в Совете Безопасности, и это позволило США воспользоваться поддержкой верного им «нового», то есть «агрессивно-послушного» большинства.

Всю конъюнктуру этой, явно заказной, позиции авторов «НГС» демонстрирует и весьма красноречивая оценка докладом «игр», которые велись в момент создания ООН вокруг ядерного оружия:

«В то время, как в Сан-Франциско об-суждался и подписывался Устав, в ...Лос-Аламосе ...разрабатывалась атомная бом-ба. Очень немногие в Сан-Франциско, включая большинство тех, кто станет осно-вателями ООН, знали об этих работах... (Иногда адепты «устойчивого развития» проговариваются: действительно, о раз-работках в Лос-Аламосе знали лишь те, кому это «было положено»; потому и стремились заложить в Устав известные только им преимущества, которые обез-печивались ядерной монополией — Авт.).

Вскоре (после американских взрывов в Хирোসиме и Нагасаки — Авт.) были предприняты усилия вернуться к духу Сан-Франциско (то есть зафиксировать и уве-ковечить ядерную монополию США, Ве-ликобритании и Канады, как это предло-жил У. Черчилль в Фултонской речи — Авт.). В своей самой первой резолюции Генеральная Ассамблея потребовала сформулировать конкретные предложения по «исключению из национальных воору-жений атомного оружия и по обеспечению использования ядерной энергии только в мирных целях. Внесенная Великобританией в соавторстве с США, СССР и Францией, эта резолюция была принята единогласно.

В учрежденной, согласно этой резолю-ции, Комиссии по атомной энергии (ны-нешняя МАГАТЭ — Авт.) США предложи-ли (sic!) пакет разнообразных мер, изве-стных как «план Баруха», по установле-нию международного контроля над всей деятельностью, связанной с атомной энергией... Советский Союз усмотрел в этом заговор, направленный на то, чтобы воспрепятствовать созданию его соб-ственного ядерного потенциала. Он затя-гивал работу Комиссии на протяжении трех лет — до 1949 г., когда произвел испыта-ние своего ядерного оружия...»² (курс. — Авт.).

Итак, атомную бомбу создали (и применили!) США; Черчилль в Фултоне потребовал ядерной монополии Запада. Но ответственность за «гонку ядерных вооружений», разумеется, возлагается на Советский Союз, в вину которому ста-вится отказ от «плана Баруха».

При всей абсурдности этого обвине-ния, в нем необходимо разобраться.

Для начала признаем как факт, что СССР не отверг, а согласился с резо-люцией Генеральной Ассамблеи ООН о ядерном оружии. Речь в ней шла об его «исключении из национальных во-оружений», то есть о передаче под кон-троль вновь созданной Комиссии по атомной энергии. А отнюдь не о лик-видации.

«План Баруха» же, не имевший ни-какого отношения к этой резолюции, не только повторял предложения Чер-чилля о ядерной монополии, но и пы-тался ввести их в обязательные между-народно-правовые и институциональ-ные рамки. Одновременно с этим пла-ном у США появилась Доктрина ядер-ной войны.

Не случайно Г.Трумэн, стремившийся приурочить проведение первого ядерного испытания к открытию Потсдамской кон-ференции союзников (17 июля — 2 августа 1945 г.), получив известие об успехе ис-пытания от руководителя «Манхэттенско-го проекта» генерала Л.Р.Гровса, не упус-тил возможности «проинформировать» И.В.Сталина о наличии у США «нового оружия огромной разрушительной силы».

Когда американцы предложили Ко-миссии по атомной энергии «пакет раз-нообразных мер», стало ясно, что ими предпринимается попытка реализации «фултонского» плана Черчилля обход-ным путем с помощью подконтроль-ной Генеральной Ассамблеи ООН. Ядерная монополия оставалась бы у комиссии, в которой право «вето» не предусмотрено. Стало быть, управле-ние глобальным ядерным арсеналом — только не прямо, а с помощью проамер-иканского «агрессивно-послушного большинства» — фактически переходило к США. Советский Союз ничего не смог бы ни с этим поделаться, ни этому противопоставить ввиду запрета на «национальные» ядерные вооружения.

Нашей стране с позиции силы просто продиктовали бы чужую и чуждую ее интересам волю.

Нельзя сказать, что в советском руководстве этого не просчитывали. Но там понимали и другое. Откажись СССР от проекта резолюции, и на него бы сразу же обрушивалась вся мощь информационно-пропагандистской машины уже начавшейся к тому времени «психологической войны». Поэтому было принято решение предоставить США и их союзникам раскрыть свой замысел максимально полно – но только до той черты, после которой началась его практическая реализация.

А, раскрыв, пресечь его, проделав это предельно транспарентно, на виду у всего мирового сообщества, не дав «агрессивно-послушному большинству» чаемого им повода. Обратим внимание: самый громкий антироссийский визг на Западе всякий раз поднимается именно тогда, когда наша страна, в какой бы государственной форме она ни пребывала, проявляет гибкость. Сначала как бы дает себя увлечь, запутать, обмануть и почти разоружить. А затем, когда Запад, уверовав в успех, расслабляется, наносит встречный удар, публично демонстрируя злокозненность истинных намерений поборников «демократии» и «прав человека». И выставляет их в этом качестве на всеобщее обозрение.

Итак, получается, что никакой вины Москвы в крахе идеи международного ядерного контроля нет; она всего лишь отвергла предложенную ей любимую англосаксонскую игру в «политический наперсток». И, кроме того, с какой, спрашивается, стати Россия должна была доверять англосаксонскому Западу, если на завершающем этапе войны союзников уличили в попытках договориться за нашей спиной с рейхсфюрером СС Гиммлером – руководителем преступной организации, сформу-

лировавшей и предложившей этим самым союзникам упомянутый план «Европейской социалистической конфедерации»? Если переговоры по этому вопросу с представителем Гиммлера – обергруппенфюрером СС К.Вольфом вел не кто иной, как президент Совета по международным отношениям (СМО) А.Даллес?

В-третьих, фарисейская сущность переживаний авторов доклада по поводу «разочарования» проамериканского большинства Генеральной Ассамблеи, принявшего перевес в голосовании за «право принятия решений», наглядно демонстрируется проектом Совета экономической безопасности (СЭБ). Передав ему формирование «политики и правил игры», предполагалось ограничить его состав 23 ведущими в экономическом плане государствами². «Разочарование» тех, кто не вошел бы в этот американский «список счастья», в данном случае, надо полагать, изначально в расчет не принималось. Типичный прием «двойных стандартов»!

Чтобы выяснить, откуда растут ноги (или рога?) подобных информационно-пропагандистских провокаций, обратимся к сравнительному анализу позиций СССР и США на конференции Объединенных наций в Думбартон-Оксе (1944 г.), проведенному П.П.Кремневым, С.Б.Крыловым и Н.А.Нарочницкой³.

В обобщенном виде эти позиции выглядят следующим образом:

«... – Стремление СССР в борьбе с возможной агрессией реагировать «по факту», принимая меры против уже произошедшего нарушения мира, а США – превентивно путем субъективного определения «угрозы миру» руководящим органом ООН, наделенным к тому же разрушительным для государственных суверенитетов правом самостоятельно определять рамки своей юрисдикции и поводов для вмешательства;

– расхождение по праву «вето», на котором настаивал СССР в противовес США, которые требовали урегулировать конфликты «извне» и «по моральным основаниям» без участия заинтересованных сторон (данный вопрос в процессе подготовки Устава ООН стал предметом достаточной жесткой полемики между И.В. Сталиным и Ф.Д. Рузвельтом);

– поддержка США стремлению создать в рамках ООН региональные организации (например, будущую НАТО), наделив их самостоятельным правом передачи тех или иных вопросов международных отношений на рассмотрение Международного суда, против чего решительно возразил СССР;

– предложения США предоставить ООН право влиять, то есть управлять внутренней политикой суверенных государств, самостоятельно определяя аспекты, представляющиеся угрозой международному миру (по опыту Лиги Наций это могло быть использовано для вмешательства во взаимоотношения между государствами и проживающими в них национальными меньшинствами, то есть для подрыва института многонациональной государственности);

– стремление США распространить юрисдикцию новой международной организации (подобно Лиге Наций) на невходящие в нее государства (любой неурегулированный межгосударственный спор в этом случае мог быть в конечном счете передан на рассмотрение Исполнительного совета или, в окончательной редакции Устава ООН, – Совета Безопасности);

– попытка обязать все государства, включая невходящие в ООН, не только воздерживаться от помощи участникам конфликтов, но и оказывать Исполнительному совету содействие в реализации принудительных мер – в виде права прохода войск ООН и предоставления им баз (то есть ограничить их суверенитет и право на нейтралитет);

– закрепленный меморандумом Государственного департамента США от 21 мая 1944 г. курс на «звентуальное урегулирование вопроса о национальных во-

оружиях» (то есть, запрет на содержание вооруженной силы, несовместимой с целями Устава ООН, включая любое противодействие предпринимаемым ею превентивным или принудительным акциям)⁴ – (курс. – Авт.).

Таким образом, американский проект Устава фактически наделял ООН функциями «мирового правительства», и лишь жесткое противодействие СССР позволило этому воспрепятствовать, не допустив превращения Организации в инструмент одностороннего англосаксонского диктата.

Важнейшей частью советской позиции являлось включение в Устав ООН права «вето». Зафиксировать это необходимо, так как к отмене этого права, а также «вето» как такового, то есть к лишению нашей страны статуса великой державы и пересмотру, таким образом, итогов Второй мировой войны, в конечном счете сводятся все предложения авторов «НГС».

«Государства-основатели в Сан-Франциско, – сетуют они в докладе, – не облекли ООН властью и полномочиями, которые выходили бы за пределы контроля со стороны ее членов»².

«Устав ООН несет на себе печать своего времени, и ...нуждается в коррективах. Мы имеем в виду (sic!) «конституционные вопросы», такие как реформа Совета Безопасности, которые ...имеют решающее значение для совершенствования глобального управления. ...Однако с самого начала мы полагали..., что ...необходимо более широко, более изобретательно и более творчески использовать уже существующие положения Устава ООН.

...Комиссия считает, что это можно осуществить через процесс реформирования – путем реконструкции и подновления, но не сноса и постройки заново. Такое обновление должно носить, скорее, косметический характер и сопровождаться переходом к новому образу жизни в нашей глобальной общине»² (курс. – Авт.).

Дьявол, как известно, большой пуганик, стремящийся все извратить, подменить, перевернуть с ног на голову. Если «конституционные вопросы», включая «реформу Совета Безопасности», имеющие «решающее значение для совершенствования глобального управления», – это всего лишь безобидная «реконструкция и подновление», то почему тогда они должны сопровождаться «переходом к новому образу жизни», да еще сразу во всей «нашей глобальной общине»?

Вопрос, разумеется, риторический. На самом деле не вызывает сомнений, что:

– приведенное предложение «НГС» не оставляет от ООН ничего кроме фасада. Это равносильно ее «сносу и постройке заново» – уже по англосаксонским стандартам и под монопольное англосаксонское лидерство;

– никакое «изобретательное» и «творческое» использование действующего Устава ООН при таком подходе не способно обеспечить баланс сил, а стало быть, и поддержание мира. Следовательно, в условиях невыполнения Организацией этой своей основополагающей функции теряет смысл ее дальнейшее существование;

– «новый образ жизни» в «глобальной общине» может быть внедрен только с помощью «Нового мирового порядка», равносильного повсеместному распространению нравов, морали и порядков «глобального скотного двора» (он же, по А.А.Зиновьеву – «глобальный человеконик»);

– сам этот комплекс вопросов отнюдь не случайно возник именно сразу же после распада СССР, за которым последовало внедрение концепции «устойчивого развития» в международное право (Конференция Рио-92) и создание в целях придания этим изменениям институционального характера Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству и т.д.

Преувеличение?

Продолжим цитировать «НГС»:

«Если какие-либо из элементов ...системы ООН и могут в настоящее время считаться «временными», так это (sic!) состав Совета Безопасности и (sic!) право вето его пяти постоянных членов.

...Эти привилегии – постоянные места и право вето – яростно оспаривались в Сан-Франциско как из принципиальных соображений, так и потому, что были и другие страны, представители которых ...сражались и гибли в войне против фашизма...

Видение нового мирового порядка, оформленного в благородных принципах Устава, уживалось с узким предубеждением, что лишь победители смогут гарантировать осуществление этих принципов.

Следует также вспомнить, что ни Советский Союз, ни США не стали бы ратифицировать Устав без включения в него права вето. И это право вето служит в системе ООН ...предохранителем, исключающим возможность простым большинством голосов в Совете Безопасности пойти войной против одной из великих держав... Считать это проявлением мудрости или слабости – зависит от точки зрения. (Это признание сделано явно «сквозь зубы» – Авт.).

Подоплекой этого было недоверие... Каждый из постоянных членов должен был быть способен блокировать действия любого другого члена Совета. Они должны были обладать способностью воспрепятствовать Совету Безопасности предпринимать любые негодные им акции. Это условие, хотя буквально и противоречащее другим положениям Устава, стало краеугольным камнем. Реальное соотношение сил в 1945 г. было таковым, что если бы другие страны не приняли постоянное членство пятерки с ее правом вето, никакого Устава не было бы вообще...

Победа, однако, была не единственным фактором, побуждавшим победителей настаивать на своем праве навечно оставаться членами Совета Безопасности и вечно же располагать правом вето. Победители ...оставили за собой право вето ...отчасти еще и потому, что предвидели возможность изменения в соотношении сил

государств. С другой стороны, (они) ...просто не сумели предугадать нынешнего развития событий, когда состав ООН расширился, а различия между обладающими и не обладающими правом вето государствами в экономической и даже военной области заметно «сгладились»...

Как бы то ни было, именно последние события (ясно, что распад СССР – Авт.), а отнюдь не намерения основателей, требуют рассматривать договоренности 1945 г. относительно Совета Безопасности как временные...

Мы считаем, что сегодня Совет Безопасности стал чрезмерно «закрытым клубом». Ограничение состава постоянных членов пятью странами, приоритет которых объясняется событиями 50-летней давности, представляется неприемлемым уже само по себе... Вызывает тревогу также частое обращение пяти постоянных членов к неофициальным консультациям между собой – а нередко только между некоторыми из них – поскольку затем эти члены являются в Совет с уже достигнутым между собой соглашением...

Общая ситуация стала столь неудовлетворительной, что государства-члены ООН все настойчивее требуют осуществить ее реформу... По просьбе Генеральной Ассамблеи (то есть проамериканского «агрессивно-популярного большинства» – Авт.) Генеральный секретарь предложил всем правительствам изложить свою точку зрения. Почти все из откликнувшихся на это предложение поддержали призыв к переменам. (Попробовали бы не поддержать, особенно в 1992 г.! – Авт.).

...Мир должен найти лучшую основу для создания высшего органа управления, нежели постоянное членство для немногих

стран. Однако такая стадия еще не достигнута. В настоящее время категорию постоянных членов **придется сохранить.** С другой стороны, мы настолько убеждены в неприемлемости права вето для глобального управления, что нам очевидна и недопустимость увеличения числа обладающих правом вето членов в каких-либо новых структурах...»² (курс. – Авт.).

Итак, обо всем по порядку.

Во-первых, лейтмотивом приведенных фрагментов остается именно постоянное членство и право «вето», которое критикуется со всех возможных и невозможных сторон, а также с позиций истории и современности. По вниманию, уделенному этому вопросу в «НГС», он может соперничать разве что с апологией размывания суверенитетов. Между ними определенно существует взаимосвязь: эрозия государств и ослабление правительств подается как более широкий, всеобъемлющий процесс, а ликвидация постоянного членства в Совете Безопасности ООН и права «вето» – как его важнейшая составная часть. Приплюсовав сюда противопоставление «крупным» суверенитетам «мелких», получим формулу упоминавшейся нами «глокализации» как управляемой двухактной спецоперации.

Повторим: сначала разборка многонациональных, особенно имперских государственных образований. Причем не просто на народы, а на отдельные этносы, субэтносы и даже внутриэтнические региональные общности, связанные «внеисторическими», то есть сугубо экономическими связями – ры-

* Напомним, что ярким примером этого служит концепция «еврорегионов», проистекающая из разработок высшего командования СС периода 1944-1945 гг., взятая на вооружение современным англосаксонским Западом и осуществляемая с помощью Совета Европы, а также других европейских институтов (ОБСЕ и Евросоюза, в структуре руководящих органов которого функционирует совещательный (пока) Комитет регионов. Для ее реализации создан комплекс европейских специализированных институтов, которые в рамках Бозенской Европейской академии (Швейцария) объединены с Международной группой по правам меньшинств (Лондон), а также Институтом Сороса, Фондами Карнеги, Форда и Рокфеллера, которые, в свою очередь, курируются отделом политического планирования Государственного департамента США, то есть «глокализация», по крайней мере в Европе, является частью стратегии НАТО. (Авт.).

ночными*. Затем – «новая сборка», превращающая совокупность лишенных исторической и государственной идентичности общностей в строительный материал для новой глобальной империи.

Англосаксонское доминирование в такой империи К.Каутский именовал «ультра-империализмом» – миропорядком, в котором все национальные империализмы навсегда оказываются встроенными в англосаксонский глобальный империализм⁵.

Понятно, что возвращение в Историю может обеспечить только разрушение англосаксонской проектной монополии и возврат к миропроектной конкуренции, то есть обращение вспять глобализации и разрушение навязываемой в ее рамках модели глобального управления, глашатаями которой являются авторы «НГС».

Во-вторых, в докладе признается факт «яростной борьбы» вокруг проекта Устава ООН. Между тем, продуктом именно этой борьбы и явилось принятое в условиях всеобщего недоверия право «вето» как механизм, «предохраняющий» мир от катастрофы. Тогда закономерен вопрос: разве исчезли породившие эту борьбу противоречия? Конечно же, нет!

Но если они сохранились (а, на наш взгляд, с распадом СССР они даже усилились), то неужели не являются «узким предубеждением» осуществляемые англосаксами попытки внушить всем остальным обитателям «глобального скотного двора», что «Новый мировой порядок», гарантируемый победителями в холодной войне, может быть «благородным»? По сути ведь предлагается не отмена права «вето», а сохранение монополии на него лишь за двумя из пяти нынешних постоянных членов Совета Безопасности ООН – Великобританией и США.

В-третьих, с помощью права «вето» каждый из победителей, как признается в «НГС», страховался от будущего

изменения соотношения сил не в свою пользу, и коль скоро баланс оказался нарушенным в пользу Запада, то этим моментом, по мнению авторов доклада, грех не воспользоваться! Главным аргументом за пересмотр права «вето» рассматриваются «именно последние события».

А вот если бы соотношение сил изменилось в пользу СССР, по-видимому, не было бы более последовательного защитника права «вето», чем англосаксонский Запад. Под эту позицию, разумеется, и соответствующая аргументация сразу бы отыскалась.

Обратим внимание: вся эта, с позволения сказать, «позиция», насквозь конъюнктурная, граничащая с тем, что В.И.Ленин точно именовал «политической проституцией», открыто, «на голубом глазу» и без всякого зазрения совести Западом и послушными ему адептами «устойчивого развития» в России защищается с помощью «двойных стандартов»! Раз баланс в их пользу – никакое ограничение «неприемлемо уже само по себе».

В-четвертых, изливаемая авторами доклада желчь по поводу согласования позиций между некоторыми членами Совета Безопасности ООН безусловно адресована российско-китайскому сотрудничеству. Высматривая в чужом глазу «соринку», авторы «НГС» как будто в упор не видят в собственном глазу британо-американского «бревна». Якобы эти державы позиции между собой не согласовывают.

В-пятых – и это самое главное: признание, что «категорию постоянных членов придется сохранить», несмотря на вовлечение в борьбу против права «вето» проамериканского «агрессивно-послушного большинства». Эта констатация провала всех прежних усилий сопровождается призывом к фактическому открытию как минимум четырех

новых фронтов борьбы за «перестройку» институтов, призванную преобразовать существующий миропорядок:

– создания на месте ООН новой международной организации – «Лиги демократий» по Дж.Маккейну и И.Далдеру или «новой ООН» не для всех, а только для «избранных», по Г.Х. Попову;

– расширения системы институтов без права «вето» с видом на передачу всех или части полномочий Совета Безопасности в другие ООН-овские структуры; именно для этого предлагался СЭБ, именно этому служит расширение полномочий Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС) или, например, ЮНЕСКО, в которой отсутствие права «вето» дополнительно страхует ротацией членов Исполнительного совета;

– вывода глобально-управленческих функций в финансово-экономической сфере за рамки системы ООН – в «Группу двадцати» (и, как увидим не только финансово-экономических);

– продолжения «игр» вокруг реформирования ООН.

Последний из вариантов особенно интересен авторам доклада (и не только им) ввиду предоставляемого им обширного пространства для маневра. Поэтому обратим на него более пристальное внимание и мы.

Перед нами – документ, ранее уже цитировавшийся и обнародованный 2 декабря 2004 г., – доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность», подготовленный Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, созданной в сентябре 2003 г. решением Генерального секретаря ООН К.Анана*.

Вот что говорится в этом официальном документе ООН о реформе Совета Безопасности почти 10 лет спустя «НГС»:

«...Пяти постоянным членам (Совета Безопасности ООН – Авт.) было дано право вето, но от них также ожидали, что они будут нести дополнительное бремя в обеспечении глобальной безопасности...

С тех пор, как был создан Совет, угрозы и вызовы международному миру изменились, также как и распределение силы между членами Организации. Однако Совет Безопасности меняется медленно...

После завершения холодной войны эффективность Совета повысилась, также как и его способность к действиям...

Финансовый и военный вклад некоторых из пяти постоянных членов (sic!)

...является скромным по сравнению с их особым статусом... Даже помимо использования формального вето, способность пяти постоянных членов не допускать включения наиважнейших вопросов мира и безопасности в повестку дня Совета Безопасности ...подрывает доверие к работе этого органа...

Таким образом, задача любой реформы заключается в повышении как эффективности, так и авторитетности Совета Безопасности и, что наиболее важно, в укреплении его способности и готовности действовать перед лицом угроз. Это требует большего вовлечения в принятие решений ...тех, кто вносит наибольший вклад; большего вклада тех, кто обладает наибольшими полномочиями в плане принятия решений... Это также требует твердого консенсуса относительно характера сегодняшних угроз...»⁶ (курс. – Авт.).

Как видим, за десятилетие процесс реализации «глобального плана» Римского клуба не только не остановился, но и наполнился организационной конкретикой.

Во-первых, помимо того, что целью данного доклада явилось подведение фундамента под план создания Комис-

* Напомним, что Российскую Федерацию в этой Группе представлял академик Е.М.Примаков – Авт.

сии ООН по миростроительству (КМС), из приведенной цитаты следует, что условием сохранения Россией (а кем же еще?!) постоянного членства в Совете Безопасности ООН ставится увеличение ее вклада в «глобальную безопасность» в финансовой и военной сфере. То есть нам предлагают потягаться с США в заведомо неравных условиях, ибо Америка – единственная страна в мире, способная покрывать бюджетный дефицит за счет наличной эмиссии собственной валюты, которая одновременно является еще и мировой единой мерой стоимости.

Во-вторых, Россия, а также Китай (а кто же еще?!) призываются к формированию «консенсуса относительно характера сегодняшних угроз» (в «НГС» эта идея, как помним, тоже проталкивалась). Это означает, что от нашей страны требуют снять возражения против развертывания американской глобальной ПРО и, разумеется, против дальнейшего расширения НАТО путем вовлечения в нее республик бывшего СССР – иначе какой «консенсус»?

На ум приходит похожее положение Парижской хартии для новой Европы (1990 г.), потребовавшее от всех членов ОБСЕ, включая СССР, поддержания дружеских отношений с США⁷.

В какую плоскость переводится идея такого «консенсуса» – увидим.

В-третьих, указанные рекомендации получили полную поддержку генсека ООН.

«Я уже давно выступаю за то, что необходимо более представительный Совет Безопасности, – пишет К.Анан. – К сожалению, на протяжении более чем 10 лет удалось добиться лишь небольшого прогресса в этом направлении, если вообще можно говорить о каком-то прогрессе»⁸.

Поддерживает К.Анан, стало быть, и предлагаемые принципы реформирования ООН, главным из которых в

докладе Группы высокого уровня провозглашается «большее вовлечение в принятие решений тех, кто вносит наибольший финансовый, военный и дипломатический вклад в ООН», включая:

– «участие в санкционированных операциях в пользу мира» (то есть в миротворческих операциях, большинство которых осуществляется по линии НАТО и системы ассоциированных с ней партнерств – *Авт.*);

– «взносов на добровольную деятельность ООН в областях безопасности и развития дипломатической деятельности в поддержку целей и мандатов ООН» (то есть предлагается давать деньги на КМС и «Цели развития тысячелетия», но уже в связи не с ООН, а с глобальной проблематикой в целом – *Авт.*)⁶.

В четвертых, докладом Группы высокого уровня ООН предлагаются две модели реформирования Совета Безопасности ООН – модель «А» и модель «В». Они «связаны с распределением между **четырьмя основными региональными зонами**, которые мы называем, соответственно, «Африка», «Азия и Тихий океан», «Европа», «Американский континент»...»⁶ (выд. – *Авт.*). Различия между моделями важны. Но принципиальны не они, а объединяющий эти модели методологический принцип – **регионализм**, следование которому, как помним, обеспечивает «мир без границ».

Именно по этому принципу выстроена система региональных комиссий «партнеров ООН по «Целям развития тысячелетия» («ЦРТ»)), а также региональных комитетов Социнтерна.

Региональный принцип, пожалуй, является основным для понимания общих закономерностей и механизмов, по которым организуется и действует глобальная власть, занятая реализацией «глобального плана» Римского клуба.

Глобальная власть как система

Прежде всего, отметим, что обе модели реформирования Совета Безопасности ООН (модель «А» и модель «В») предполагают сохранение мандатов всех пяти постоянных членов, но **Россию при этом относят к Европейской региональной группе.** Ибо в этой группе три места (как раз для России, Великобритании и Франции), а в группе «Азия и Тихий океан» только одно, и оно принадлежит Китаю. Тем самым, в точности по Бжезинскому, подчеркивается, что после реформирования ООН по любой из этих моделей Россия своим пребыванием в Совете Безопасности будет обязана не решающему вкладу СССР в победу Антигитлеровской коалиции в 1945 г., как сейчас, а исключительно Европе, то есть Западу.

Конкретное место, отводимое нашей стране этим сценарием, определяется сравнительным анализом региональных групп «ЦРТ» и региональных комитетов Социнтерна. Выясняется, что по этим раскладам Россия включается в «сферу ответственности» Европейской экономической комиссии (ЕЭК) и Комитета Социнтерна по странам СНГ, Кавказу и Черноморскому бассейну, то есть фактически подчиняется Европейскому союзу и отодвигается на далекую периферию не только глобальной, но и европейской политики. При этом, разумеется, максимально принижается роль нашей страны как субъекта межцивилизационной миропроектной конкуренции: евразийского представительства (а Россия это именно Евразия, то есть «Хартленд», по Х.Маккиндеру) в перечне региональных групп не предусмотрено. В связи с этим необходимо напомнить, что точно так же авторы «НГС» предлагали выстроить участие нашей страны в «Глобальной экологической схеме», в которой нам отводилось одно из двух

мест в общем списке представителей Восточной Европы².

В потаенных мечтах англосаксонского Запада – увидеть единственную страну, до сих пор сохраняющую подобие глобального баланса сил потенциальной способностью стереть США с лица Земли, вообще не субъектом, а объектом глобального управления. Именно на данную цель и работают все эти изощренные глобалистские схемы – от сетевой модели «глобального гражданского общества» и вульгарно-атеистической «глобальной гражданской этики» до концепции и стратегии «устойчивого развития» и регионально-групповой структуры «Нового мирового порядка».

А теперь **САМОЕ ГЛАВНОЕ.** Приведенная региональная структура на самом деле представляет собой «святую святых» «глобального плана» Римского клуба и всего глобалистского сценария. Именно такую структуру имеет вся хорошо известная триада глобально-управленческих институтов.

Так, созданная в 1972–1973 гг. **Трехсторонняя комиссия** включает три региональные группы – европейскую (во главе с М.Монти), североамериканскую (Дж.С.Най), азиатско-тихоокеанскую (Й.Кобаяши).

В **Бильдербергском клубе** (создан в 1954 г.) – две региональные группы: американская и европейская. Наконец, американский **Совет по международным отношениям** (СМО), тесно связанный с британским **Королевским институтом международных отношений** (КИМО), – это англосаксонский центр представленной системы, образованный в 1919 г. одновременно с Версальским миропорядком, как его ядро.

Иначе говоря, система глобальной власти выстраивается по модели концентрических кругов или уровней.

Понятно, что над или за всей этой системой стоит сформулированный А.Печчеи «глобальный план» Римско-

го клуба, в соответствии с которым эта система и выстроена. Римский клуб давно прекратил существование, но функционируют его наследники и преемники, сменяющие друг друга международные комиссии: по глобальному управлению и сотрудничеству, по глобализации и т.д.

В центре системы глобального управления находится **ядро, составленное из англосаксонских элит (КИМО + СМО)**, представляющее интересы основной части глобальной финансовой олигархии («частных и независимых групп»).

Видимой частью этого ядра является прочный американо-британский военно-политический союз, англосаксонское доминирование в НАТО, заложенное еще в первые послевоенные годы созданием Западноевропейского союза под фактическим руководством Великобритании. Кроме того, с помощью ведущей роли в международных финансовых институтах и лидерства в списке крупнейших ТНК, включая финансовые компании Уолл-стрита, англосаксонское ядро в значительной мере контролирует мировую экономику.

«...Нежелание Великобритании участвовать в Экономическом и Монетарном союзе, который начнет, как намечено, функционировать с января 1999 г., – писал в 1996 г. Зб.Бжезинский, – отражает *нерасположенность этой страны идентифицировать свою судьбу с Европой* (континентальной – Авт.). Суть этого отношения была блестяще суммирована в начале 90-х годов:

– Великобритания отвергает цель политического объединения (Европейский союз – Авт.);

– Великобритания отдает предпочтение модели экономической интеграции на основе свободной торговли;

– Великобритания предпочитает координацию внешней политики, безопасности и обороны вне структурных рамок ЕС;

– Великобритания редко полностью использует свой авторитет в ЕС*.

*Великобритания, будьте уверены, все еще сохраняет свое значение для Америки. Она продолжает оказывать определенное глобальное влияние через Сообщество (британское Содружество – Авт.)...*⁹ (курс. – Авт.).

Несмотря на известный скепсис Бжезинского по отношению к роли Великобритании, которая, по его мнению, больше «не является крупной державой», существуют и иные, не менее авторитетные, но более глубокие точки зрения на характер взаимоотношений двух главных англосаксонских государств.

У.Черчилль: «...Политика Великобритании и стран Содружества все более тесно переплетается с политикой США, и лежащее в основе этого единство взглядов и убеждений все глубже пронизывает англоязычный мир...»¹⁰.

Г.Киссинджер: «...Великобритания сохраняла уникальную возможность влиять на Вашингтон даже после резкого уменьшения собственной мощи по окончании Второй мировой войны. Общность языка и культурного наследия в сочетании с величайшим тактом позволяли британским лидерам вводить собственные идеи в американский процесс принятия решений таким образом, что эти идеи незаметно становились частью собственно вашингтонских»¹¹ и т.д.

Несущей элитарной конструкцией **второго круга (уровня)** является Бильдербергский клуб, соединяющий англосаксонское ядро с элитами континентальной Западной Европы. После распада «советского блока» клуб расширил свое влияние на Восточную Европу.

* Бжезинский при этом ссылается на труд Р.Скидельски «Великобритания и новая Европа», включенный в сборник с характерным названием «От Атлантики до Урала», вышедший в 1992 г. на Западе под редакцией Д.П.Каллео и Ф.Г.Гордона.

Бильдербергский клуб является неформальным руководящим политическим и кадровым органом НАТО. С помощью Европейской экономической комиссии (ЕЭК), а также вновь избранных руководящих органов Европейского союза – постоянного председателя Европейского совета (Х. ван Ромпей) и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности (К.Эштон) и вместе с Социнтерном клуб оказывает существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Евросоюза. Ключевая роль англосаксонских держав в существующем в Евро-Атлантике экономическом, политическом и военном раскладе наглядно иллюстрируется следующим высказыванием Черчилля: «...Мы (Великобритания – *Авт.*) с Европой, но не в ней. Мы связаны, но не включены в состав. Мы заинтересованы и ассоциированы, но не присоединены...»¹⁰.

Осью современной конфигурации Запада служит американо-германский союз, который контролирует континентально-европейскую зону с помощью установленной Елисейским договором 1963 г. «старо-европейской оси» нынешнего Европейского союза – альянса Германии и Франции. После распада СССР появился еще один важный инструмент англосаксонского контроля над континентально-европейской зоной: «новые демократии» Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Помимо своей главной функции – играть роль «лимитрофа», отделяющего Россию от Европы, бывшие члены Варшавского договора, а теперь НАТО и ЕС, выполняют еще одну, более деликатную миссию: в англосаксонских интересах осуществляют сдерживание любых потенциальных поползновений Германии и Франции к самостоятельности и, тем более, не контролируемым Вашингтоном и Лондоном «играм» с Россией.

«...Франция..., имеющая собственную геостратегическую концепцию Европы, ...не только стремится к центральной политической роли в объединяющейся Европе, но и рассматривает себя как ядро средиземноморско-североафриканской группы стран, имеющей единые интересы. Германия ...осознает свой особый статус как наиболее значимое государство Европы – ...формирующий лидер ЕС. ...И Франция, и Германия считают, что на них возложена обязанность представлять интересы Европы при ведении дел с Россией, а Германия в связи с географическим положением, по крайней мере теоретически, даже придерживается великой концепции особых двусторонних договоренностей с Россией?».

Третий круг (уровень) представлен Трехсторонней комиссией (англосаксонский центр + Европа + Япония, вокруг которой в 2000 г. сформировалась «азиатско-тихоокеанская группа»). Расширение восточного сектора явно обусловлено реакцией определенных сил в США и на англосаксонском Западе в целом на постепенный перенос центра глобального экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), где американские позиции опираются на альянс с Японией.

«...Как одна из самых значительных экономических держав мира, Япония, очевидно, обладает потенциалом политической державы первого класса. Тем не менее, она его не использует, тщательно избегая любых стремлений к региональному доминированию и предпочитая вместо этого действовать под протекцией Америки...»

В свою очередь, такая сдержанная политическая позиция Японии позволяет США играть центральную роль по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке. Таким образом, Япония не является геостратегическим действующим лицом, хотя очевидный потенциал, способный быстро превратить ее в таковую, особенно если Китай или Америка неожиданно изменят свою нынешнюю политику, возлагает на США

особое обязательство тщательно пестовать американско-японские отношения...»⁹.

Эти три центра, наряду с соответствующей геостратегической конфигурацией, представляют собой формально не присутствующую в публичной политике, но от того не менее влиятельную «теневую» сферу «глобального финансового капитализма». Публичное представительство этой сферы в глобальной политике возложено на «Группу двадцати» в экономике, а в политике – на «Группу восьми»; значительная часть функций которой в настоящее время передается новым, паллиативным структурам.

В публичной сфере общие и частные интересы указанных стран и их групп оформлены командованием НАТО, политическим и бюрократическим руководством Европейского союза, а также системой важных двусторонних договоров и соглашений, особое место среди которых принадлежит американско-японскому и американско-южнокорейскому военно-политическим союзам, представляющим собой несущую конструкцию некоего прообраза будущего «восточного НАТО». Нельзя забывать и о постоянном представительстве США, Великобритании и Франции в Совете Безопасности ООН.

Дальше идет внешняя, видимая, преимущественно публичная сфера глобально-управленческого спектра, которая, тем не менее, на всех уровнях ощущает на себе постоянное влияние «теневого» сферы.

Четвертый круг (уровень) должен соответствовать «обновленному» Совету Безопасности ООН, добавляющему к трем обозначенным группам «африканскую», хотя никакого равноправия на региональном уровне Африка, разумеется, не получит. Ее присутствие в представленном перечне предназначено для усиления контроля над ней со стороны трех основных центров, а так-

же необходимостью оправдания демагогического лозунга «борьбы с бедностью и нищетой» и идеологических спекуляций в духе: «Мы, народы...».

С одной стороны, ООН при всей кажущейся прозрачности, является практически нетранспарентным конгломератом, нагромождающим друг на друга огромное количество разнообразных структур, что как будто специально максимально запутывает ситуацию. «Вещью в себе» – деидеологизированной, оторванной от национальной и культурной почвы, предельно космополитичной – является многотысячная ООН-овская бюрократия, давно сформировавшая собственные интересы, отличные и от государственных, и от «общечеловеческих».

С другой стороны, очевидно, что **именно в ООН мы имеем главное слабое звено глобалистского сценария, представляющего собой «недострой – долгострой».** Так, до сих пор не создан СЭБ. Но при этом отнюдь не похоронены его функции. Паллиативом этому органу, как помним, служит «усиленный» ЭКОСОС; буксующая же реформа Совета Безопасности ООН вводится в нужные глобальному управлению рамки учреждением в 2005 г. Комиссии по миростроительству.

В последнее время появляется все больше подтверждений тому, что намеченный сценарий продвижения к глобальной власти не включает планов возврата к проекту СЭБ; усилия, в основном, концентрируются на укреплении институтов, действующих за рамками ООН.

Из всего этого вытекает, что, **разрубив или выбив это «слабое звено», то есть усилив сопротивление и не допустив реформирования ООН ни по модели «А», ни по модели «В», Россия может внести весомый вклад в разрушение всего «глобального плана».** Обеспечив собственные интересы, наша страна в этом случае по-

лучит возможность реабилитировать себя за предательство интересов человечества, осуществленное частью советской элиты сговором с Римским клубом.

Важно только понимать, что условием успеха является взаимодействие с другими незападными цивилизациями Евразии, прежде всего с Китаем и исламским миром. Специалисты возглавляемой генералом Л.Г.Ивашовым Академии геополитических проблем, например генерал К.В.Сивков, на наш взгляд, абсолютно верно говорят о необходимости межцивилизационного антизападного альянса. Целью такого альянса является не уничтожение Запада, а ограничение его влияния собственным цивилизационным ареалом.

Полноценное участие России в межцивилизационном союзе невозможно без восстановления собственной цивилизационной проектности. А оно, в свою очередь, несовместимо ни с открытой либеральной вестернизацией, ни с «убаюкивающей» верноподданнической консервацией ее результатов, недавно предложенной вездесущим Н.С.Михалковым¹².

Следующий, **пятый по счету круг (уровень)** глобального управления образует системой региональных организаций, ведущая роль среди которых, разумеется, принадлежит НАТО, а также тесно связанным с ним европейским институтам – ОБСЕ, Совету Европы и др.

Специально подчеркнем: официально являясь структурами именно данного уровня, НАТО, ЕС и особенно их руководство одновременно очень глубоко инкорпорированы в верхушку глобальных структур, находящихся на первом, втором и третьем уровнях. Точнее, все их действия на этих уровнях планируются и с них управляются.

Говоря о пятом уровне глобального управления, также необходимо в качестве самостоятельного института выделить региональные экономические комиссии, ибо они являются «партнерами ООН по ЦРТ». Обращает внимание, что из пяти таких комиссий только две – ЕЭК и ЭСКАТО (Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана) – представляют центры глобального капитализма: соответственно второй – европейский и третий – азиатско-тихоокеанский уровни. В англосаксонском центре «региональная комиссия – партнер ООН по ЦРТ» отсутствует. Тем самым косвенно подтверждается, что англосаксы, в отличие от других представителей Запада, видят ООН не субъектом, а объектом управленческого воздействия, своего рода «вотчиной».

В свою очередь, три остальные региональные комиссии – ЭКА (Экономическая комиссия для Африки), ЭКЛАК (Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна) и ЭСКЗА (Экономическая и социальная комиссия для Западной Азии) – по своему территориальному охвату совпадают с соответствующими региональными комитетами Социнтерна*.

На региональные экономические комиссии вполне распространяется сказанное про ЕС и НАТО. Значительная часть их планирования и деятельности осуществляется на уровнях, отражающих «теневые» элитные интересы, гораздо более близких к англосаксонскому ядру, чем региональный уровень.

Социнтерн представляет собой **шестой круг (уровень)** системы глобального управления, причем в наименьшей степени элитарный, широко распространяющий влияние на публичную политическую сферу. Задача Социнтер-

* Западная Азия и Юго-Восточная Европа с геополитической точки зрения представляют собой единый регион, являющийся «воротами» в Азию как из Европы, так и из Африки.

на – распространение унифицированных «общечеловеческих» ценностей через созданную им глобальную сеть левых политических партий – социал-демократических и социалистических.

Вот как оценивается Социнтерн далеко не чуждыми ему источниками:

«...Лидеры Социнтерна проявили инициативу в постановке проблемы глобального управления: была образована Комиссия по глобальному управлению во главе с И.Карлссоном (Швеция) и Ш.Рэмфалом (Гайана); в ее докладе «Наше глобальное соседство» 1995 г. (детально нами рассмотрено – Авт.) обосновывалась идея управляемости мирового развития. XXII Конгресс Социнтерна (Сан-Пауло, Бразилия, 2003 г.) одобрил Декларацию, в которой изложены взгляды и предложения Социнтерна по вопросам глобализации и глобального управления, а также доклад «Управление в глобальном обществе – социал-демократический подход»¹³.

«Это организация одновременно совмещает свойства ООН, ибо также представлена по всей планете, со свойствами национальной социалистической партии, ибо обладает общими ценностями...

Социнтерн – это меньше, чем настоящая политическая партия, но больше, чем простая международная организация. В том, что касается его функций, Социнтерн можно сопоставить с политической партией. Обычно политической партии приписывают три функции: разработка программ, отбор кадров, формирование идентичности. Каждая из них свойственна Социнтерну: разработке программ соответствует дискуссионный форум; отбору кадров – отбор партий-членов; формированию идентичности – создание символов...»¹⁴ (курс. – Авт.).

Во-первых, упоминание о «национальном социализме» сразу же освежает в памяти отмеченную в первой части статьи связь идеологии Социнтерна с документом верховного командования СС (SS Hauptamt) «Идея мира для Европы 1944/1945» («*Die europäische Friedensidee 1944/1945*»).

Напомним, что в нем предлагалось «создание Европейской конфедерации как ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы ...на основе равенства прав всех вошедших в них народов» и «подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»¹⁵.

Во-вторых, подтверждается высказанная нами точка зрения на Социнтерн как на глобальную «оранжевую» протопартию.

Почему именно «оранжевую»? Потому, что членство в Социнтерне предполагает следование определенным, хорошо известным принципам – «устойчивому развитию» (глобальному управлению – Авт.), политической демократии и правам человека, экономической демократии (и рыночной экономике – Авт.), разоружению¹⁶ и т.д.

В этом качестве партии-члены Социнтерна являются своего рода «пятой колонной», инструментом внедрения по внутреннюю политику государств глобалистских подходов, взглядов, установок и повестки дня и навязывания им борьбы по всему фронту наступления унифицирующей Инновации на всемерно попираемую Традицию, прежде всего религиозную и имперскую. Все это работает на подрыв общественной консолидации и размывание суверенитетов.

Заключительный раздел «Декларации принципов» Социнтерна (июнь 1989 г., Стокгольм) прямо говорит о «новом демократическом миропорядке» и о новом, «демократическом» глобальном обществе¹⁷.

«Социнтерн ...напряженно работает на усиление и расширение социальной демократии в мире, в том числе с помощью деятельности тематических и региональных комитетов, Комиссии по устойчивому глобальному обществу, Комиссии по финансовой эмиссии.

Региональные комитеты определяют и обеспечивают информацией работу Социнтерна, обращая внимание ...регионов на

предоставление сведений о национальных и региональном вкладе в общую глобальную политику организации»¹⁸.

Что еще следует отметить? Предложения Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству, изложенные в докладе «НГС», в том числе по реформированию ООН, как и их предысторию, представители Социнтерна однозначно считают своими.

Подъем, который Социнтерн испытал после 1976 г., во многом связан с рядом докладов, которые порой выполнялись по заказу ООН и в подготовку которых большой вклад внесли крупные лидеры Социнтерна. Это доклады В.Брандта об отношениях между Севером и Югом; У.Пальме о разоружении; Г.Х.Брунтланд об устойчивом развитии, который лег в основу конференции в Рио. В 1992–1996 гг. бывший премьер-министр Швеции И.Карлссон разработал доклад, в котором он внес новаторские предложения по реформе ООН:

- создать СЭБ, призванный определить стратегию долгосрочного и устойчивого развития;

- включить в Хартию (Земли – Авт.) положение о возможности вмешательства ООН во внутренние дела государств, если есть угроза безопасности народа;

- дать право НПО подавать петиции в Совет Безопасности;

- создать волонтерские силы ООН;

- уважать неприкосновенность командования ООН в действиях по поддержке мира;

- изменить состав Совета Безопасности ООН, предусмотрев постоянное представительство двух промышленно развитых стран, одной африканской страны, одной азиатской, одной латиноамериканской, а также увеличить количество непостоянных членов»¹⁴.

Комментарии, как говорится, излишни.

Теперь обратимся к комитетам Социнтерна как региональным, так и тематическим. Сразу подчеркнем: в 2008–2010 гг. Интернационал претерпел серь-

езную организационную реформу. В результате его структура, состоявшая из десяти комитетов и трех рабочих групп, увеличилась на три постоянных и ряд временных комитетов, а также на две комиссии. Так, появились два тематических комитета – по разоружению и по социальным связям, бедности и ВИЧ/СПИД, а также один региональный – по Юго-Восточной Европе.

Были упразднены все три рабочие группы (по Бреттон-Вудской системе, по курдскому вопросу и по южно-тихоокеанским демократиям), а полномочия еще двух комитетов, включая региональный, отвечающий за деятельность на российском направлении, были видоизменены, что отразилось в их названиях.

Комитет по странам СНГ и Кавказа превратился в Комитет по странам СНГ, Кавказу и Черноморскому бассейну.

Комитет по экономической политике, развитию и окружающей среде претерпел двойную трансформацию и в 2007–2008 гг. функционировал как Комитет по экономике, а с 2009 г. – как Комитет по экономической политике, труду и национальным ресурсам.

Вопросы «устойчивого развития» (включая окружающую среду) были переданы в компетенцию вновь образованной Комиссии по устойчивому глобальному обществу.

Создание еще одной Комиссии – по финансовым институтам – было подвешено к наделению глобально-управленческими функциями «Группы двадцати».

С чем связаны эти изменения? На наш взгляд, новая структура Социнтерна оптимально адаптирована в тематической части под известную проблематику «Целей развития тысячелетия», а в региональной – под регионально-групповую организацию системы глобального управления. Кроме того, Секретариат Социнтерна расположен в Лондоне, столице государства с наименьшими во всей Европе социалистическими и социал-демократическими

традициями*, которое, в то же время, является важнейшей частью англосаксонского ядра. Это и понятно: по Гитлеру и Галифаксу, не традиции требуются в виде «игры свободных сил», а управляемость, то есть «господство высшего разума».

Кроме того, отметим, что создание Комитета по Юго-Восточной Европе явно увязано с распространением сферы ответственности Комитета по СНГ и Кавказу на Черноморский бассейн, включая Западную Азию. Учитывая доказанное нами включение Социнтерна в систему глобального управления, следует предположить, что именно на Балканах, в Причерноморье и на Ближнем и Среднем Востоке в целом в ближайшем или обозримом будущем планируются и готовятся какие-то важные события.

В связи с этим подчеркнем, что этот регион является западной оконечностью «дуги нестабильности», охватывающей «южное подбрюшье» постсоветского пространства – от европейских Балкан до, выражаясь словами Бжезинского, «евразийских Балкан». Принятая в прошлом месяце на лиссабонском саммите новая, третья по счету, Стратегическая концепция НАТО окончательно закрепляет выход блока на глобальную арену за рамки традиционной зоны ее ответственности. Основное внимание при этом концепция фокусирует на прилегающей к Черному морю центральной части упомянутой «дуги нестабильности», а также на ее восточном, центрально-азиатском сегменте. Развитие геополитической ситуации в этих зонах – Закавказье («Южный Кавказ») и Центральная Азия – НАТО рассматривается через призму «стабилизации Афганистана».

Наконец, последний, **седьмой – внешний и наиболее широкий круг (уровень)** глобального управления образуют НПО и организации так называемого «глобального гражданского общества». Их общей «крышей» служит ООН. Именно она наделяет НПО наиболее важным для реализации «глобального плана» статусом «аккредитованных», то есть «ассоциированных» членов ООН. Кроме ООН, значительная часть «гражданских» структур входит в «Хартию Земли». И здесь находится **второе слабое звено системы глобального управления: несмотря на предпринимавшиеся все эти годы усилия, в частности настойчивое продвижение «Хартии», несмотря на сопротивление ее принятию даже вполне лояльной к adeptам «устойчивого развития» Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, эта глобальная инициатива так и не заработала.** В настоящий момент она существует фактически на бумаге и возможных способов заполнения этой лакуны не просматривается, без чего формирование полноценного «глобального гражданского общества» весьма проблематично. Поэтому общественное сознание сегодня остается ареной ожесточенной политической борьбы, а также информационной и психологической войн, ведущихся по всем направлениям – внутри государств и на международной арене.

Подводя краткий итог рассмотрению глобального управления как процесса, можно констатировать, что у него имеются две стороны. Одна из них составляет общий философский замысел в его политической части, которым является переведенная в управляемый режим «глокализация».

* Британский лейборизм, представляющий собой сплав профсоюзного синдикализма с фабианством как идейной основой, не имеет никакого отношения к традиционному для Запада марксистскому социализму – *Авт.*

Вторая сторона представлена структурой формирующейся глобальной власти как системы. Ее «теневая» сфера находится под полным контролем глобальной финансовой олигархии; в публичной сфере выделяются также работающие на эти «теневые» интересы НАТО, Европейский союз и различные европейские институты – ОБСЕ, Совет Европы и др.

Кроме того, в публичной сфере представлены ООН с ее институтами и специализированными учреждениями, а также региональные организации и региональные экономические комиссии. Внешние уровни глобального уп-

равления образованы структурами, сочетающими публичность с массовостью. В их состав, на наш взгляд, входят полностью лояльный к стратегии «устойчивого развития» Социнтерн – могущественная международная НПО, адаптированная к европейским институтам и вооруженная СС-овским планом «Европейской социалистической конфедерации», а также НПО и другие члены «глобального гражданского общества». Объединенные проектом «Хартии Земли», они вооружены «глобальной гражданской этикой», противопоставленной религиозной и культурной Традиции.

Конечная или промежуточная цель?

К чему может вести практическая реализация глобалистского сценария, выраженного «глобальным планом» А. Печчеи? Какие цели могут ставить собой его «архитекторы»?

Прямо об этом нам, разумеется, никто не расскажет. Но всегда остается возможность судить о возможных истоках и последствиях происходящего по косвенным признакам. Например, с помощью тщательного сравнительного анализа сведений, содержащихся в соответствующих источниках и литературе.

Из доклада «НГС»:

«...Генеральная Ассамблея должна вынести постановление о проведении в 1998 г. **Всемирной конференции по вопросам управления и сотрудничества**, решения которой должны быть **ратифицированы и претворены в жизнь к 2000 г.** Таким образом, на осуществление подготовительного процесса отводится более двух лет»² (курс. – Авт.).

Прежде всего, подчеркнем, что выбор 1998 г. не случаен. В какой мере проект такой конференции связан с дефолтом в России, который вылился в попытку посадить на шею нашей стране «внешнее управление» в виде связки В.С.Черно-

мырдин – Б.Г.Федоров – Д.Кавальо, можно лишь догадываться. Однако то, что в промежутке между опубликованием «НГС» (1995 г.) и сроком проведения конференции (1998 г.) произошли такие важные события, как присоединение России к Базельскому клубу (февраль 1996 г.) и утрата нашей страной руководства Департаментом ООН по политическим вопросам (1997 г.), можно четко зафиксировать еще раз.

Теперь главное. Документальных подтверждений проведения конференции, не являющейся официальным мероприятием ООН, нам отыскать не удалось. Помимо «НГС», единственное упоминание о ней содержится лишь в книге известного публициста Д.Эстулина, посвятившего свои журналистские расследования малоизвестным страницам мировой истории и политики.

Эстулин утверждает, что в 1998 г. состоялась конференция, принявшая ряд «рекомендаций» по «созданию мирового правительства». Им также указывается, что срок реализации ее решений, определенный к 2000 г., в дальнейшем переносился сначала на 2007 г., а затем – на более отдаленную перспективу¹⁹.

Даже поверхностный взгляд на перечень предложений, приведенный Эстулином, демонстрирует, что они отнюдь не «высосаны из пальца», а представляют собой кальку с доклада «НГС». Возможно, именно это служит наилучшим свидетельством того, что конференция возможно действительно состоялась и была выведена из комплекса мероприятий под эгидой ООН преднамеренно, чтобы не привлекать к ней повышенного внимания. Отыскать допустимый формат такого мероприятия – вопрос технический. Это, например, может быть закрытое обсуждение в рамках Бильдербергского клуба или Трехсторонней комиссии.

«Среди этих рекомендаций (конференции – Авт.), – читаем у Эстулина, – можно отметить следующие меры по укреплению исполнительных функций внутри ООН*:

– введение глобальных налогов (**пока не введены, но идея усиленно «разминается» и внедряется явочным порядком с помощью «пилотных проектов». Например, в виде предложения вносить 0,7% ВВП на «преодоление бедности и нищеты»**);

– официальное оформление сил быстрого реагирования (этой цели уже добились в Косово, Нигерии, Западной Африке и т.д.) – **Силы реагирования в настоящее время созданы в рамках НАТО. Ряд исследователей НАТО, например В.В.Штоль, увязывают создание этих сил с миротворческой миссией блока, рассматривая ее через призму перманентного расширения и превращения альянса в глобальную военную организацию, способную под эгидой ООН реализовать планы военно-полицейского обеспечения «Нового мирового порядка»**;**

– создание СЭБ (**решение данного вопроса в настоящее время осуществляется с помощью паллиативных форм и структур глобального экономического управления, выведенных за рамки ООН, в частности «Группы двадцати»**);

– распространение власти ООН на решение общих глобальных проблем (**здесь можно привести ООН-овские документы, прежде всего доклад «Более безопасный мир...», а также практические шаги в виде создания рассмотренных нами Комиссий – по устойчивому развитию, по глобальному управлению и сотрудничеству, по глобализации, а также Комиссии ООН по миростроительству*****);

* Выделения сделаны автором статьи.

** «На Пражском саммите НАТО (2002 г.) было принято решение о формировании военной структуры блока... В числе этих мер ...создание Сил реагирования НАТО к концу 2006 г. Силы реагирования представляют собой объединенную оперативно-тактическую группировку, ...которая может быть ...быстро развернута в любом районе по требованию Североатлантического совета. ...Силы реагирования можно считать фрагментом союзной стратегии, ключевым элементом трансформации сил НАТО на пути глобализации. Другим элементом может стать новая программа «Глобальное партнерство»²⁰. (*«Глобальное партнерство» НАТО в военной сфере, по-видимому, призвано дополнить «Глобальное партнерство по целям развития», которое с Всемирного саммита 2005 г. функционирует в качестве политического инструмента глобального управления – Авт.*)

*** Здесь необходимо уточнение: «распространение власти ООН на решение глобальных проблем» и сосредоточение в ООН глобальной власти и функций «мирового правительства» – далеко не одно и то же. Ниже мы покажем, что ход реализации предложений доклада «НГС», равно как и содержание последующих документов, свидетельствует о коррективах, которые внесены в «генеральную линию» реализации «глобального плана». Центр организационных усилий по созданию проектируемого «глобального субъекта власти» в настоящее время вынесен из ООН. Видоизменился и концептуальный подход к структуре глобальной власти; сейчас ее «архитекторы» менее склонны подчеркивать субъектность тех или иных институтов, а делают ставку на организацию, структуры и механизмы сетевого типа и т.д. (*Авт.*)

– ограничение применения права «вето» по мере укрепления взаимного доверия в Совете Безопасности (пока не ограничено; но задача достижения «подлинного чувства консенсуса, вытекающего из общности интересов, а не угрозы применения вето...» ставится во всех ООН-овских документах, предшествовавших созданию КМС, начиная с 1992 г.²¹);

– создание парламентского органа ООН, связанного с Генеральной Ассамблеей, то есть консультативной парламентской ассамблеи, состав которой должен формироваться на выборной основе (как следует из «НГС», речь идет о Форуме гражданского общества, который предполагалось созывать перед началом ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В дальнейшем этот Форум собирались переформировать в «Ассамблею людей», придав ей со временем учредительные функции по созданию глобальной власти². Подтверждение планов реформирования ООН в 2004 г. с выдвижением двух вариантов «А» и «В»⁶, а также созовы подобных форумов перед началом крупных международных конференций по финансированию глобального управления в Монеррее и Дохе свидетельствует о том, что задача использования «глобального гражданского общества» и его институтов в учредительных целях с повестки дня ни в коем случае не снимается*);

– создание нового Совета прошений и просьб, задачей которого станет увеличение доли НПО в ООН (имеется в виду положение доклада «НГС» о создании Совета ООН по петициям – коллегии высокого уровня, служащей инструментом коммуникации между Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности, а также тесно координи-

рующей свою деятельность с Верховным комиссаром ООН по правам человека. Совет по петициям в итоге так и не был создан);

– учреждение нового Международного уголовного суда (июль 1998 г., Рим), который будет разрешать конфликты между нациями. Этот пункт действительно выполнен: в докладе «Более безопасный мир...» Совет Безопасности ООН призывается к более решительному использованию полномочий по передаче дел по конфликтам, причем, не только международным, но и внутренним в Международный суд, используя его Римский статут 1998 г.⁶);

– создание Международного трибунала для суда над преступниками и государствами по обвинению в геноциде и преступлениях против человечности (2002 г.). (Здесь Эстулин ошибается: Международный суд («Гаагский трибунал») был создан в 1998 г. в соответствии с Римским статутом, а в 2002 г. он лишь начал действовать. Под юрисдикцию суда попадают дела по обвинению в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые произошли после 1 июля 2002 г., и, в отличие от Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), «Гаагский трибунал» не ограничен ни временными, ни пространственно-территориальными рамками);

– расширение полномочий Международного суда (не произошло);

– расширение полномочий Генерального секретаря (не осуществлено, но постоянно предлагается в самых различных формах – от попыток учреждения должности первого заместителя генсека по вопросам мира и безопасности до принуждения государств-членов ООН к ежегодным отчетам перед генсеком).

* В докладе «Более безопасный мир...» Группа высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам ставит перед Генеральной Ассамблеей задачу достижения «глобального консенсуса по политическим вопросам первостепенной современной значимости». Одновременно заявляется о намеченном на 2020 г. пересмотре состава Совета Безопасности с точки зрения эффективности вклада в деятельность ООН каждого из его членов⁶.

С учетом того, что большинство предложений, о которых пишет Д.Эстулин, не выполнены и в настоящее время подвергаются корректировке, говорить о том, что перед нами конечный план, конечно же, некорректно. Скорее, речь идет о каком-то промежуточном варианте, связанном с поиском путей выхода из тупика, в котором оказалось реформирование ООН, и этот выход отыскивается на путях вывода из этой международной Организации основных центров принятия решений.

Вместе с тем, ООН по-прежнему проводится важнейшая роль, связанная с подготовкой глобального общественного мнения к введению «Нового мирового порядка». Параллельно с этим максимально усиливается силовая составляющая глобального управления, совершенствуются международно-правовые механизмы, приводящие ее в действие.

В дальнейшем мы убедимся в том, насколько активно и динамично идет процесс переплетения миротворческих миссий ООН и НАТО, в которой для этого созданы Силы реагирования и целая система партнерств (включая

программу «Партнерство ради мира»).

По традиции особое внимание микроирирующие под ООН натовцы, как показал саммит Россия – НАТО (20 ноября 2010 г., Лиссабон), уделяют проблемам постсоветского пространства и, прежде всего Российской Федерации.

Не забываются и традиционные инструменты влияния на глобальную ситуацию. Конец 2010 г. совпал с проведением в мексиканском Канкуне очередной, шестнадцатой Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК). В повестке дня один-единственный по-настоящему важный вопрос, камнем висящий на шее adeptов «устойчивого развития» с прошлогодней такой конференции в Копенгагене: о выработке параметров и принятии нового протокола, который призван заменить истекающий в 2012 г. Киотский протокол.

Этим объясняется столкновение позиций развитых и развивающихся стран, обусловленное прошлогодним скандалом вокруг «датского текста» и сопровождавших его появление секретных переговоров между ключевыми державами Запада во главе с США.

Примечания

- ¹ Павленко В. Мифы устойчивого развития // Обозреватель – Observer. 2010. № 11. С. 22–62.
- ² Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 238–239, 294, 168, 245, 250, 251–252, 242, 169, 241, 244, 246–250, 282, 357, 267–270.
- ³ Кремнев П.П. О дате вступления в силу Устава ООН // Вестник Московского университета. Серия 11. № 1. 2005, С. 3–7; Крылов С.Б. Материалы к истории ООН. М., 1949; Нарочницкая Н.А. Неудержимая тяга к мировому господству // <http://www.pravoslavie.ru/analit/mirgospodstvo.htm> и др.
- ⁴ Павленко В.Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами. Докторская диссертация // М.: РГСУ, 2008. С. 368–370.
- ⁵ Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 243.
- ⁶ Документ ООН А/59/565, п. 244–247, С. 82–83; п. 249. С. 83; пп. 251–253. С.84; пп. 240, 255. С. 81, 85; п. 90. С. 42–43.
- ⁷ Парижская хартия для новой Европы // Антология мировой политической мысли / Семигин Г.Ю. – ред. В 5-ти томах // М., 1997. Т. V. С. 619–625.
- ⁸ Записка Генерального секретаря ООН // Документ ООН А/59/565. С. 3.

- ⁹ *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2002. С. 57–58, 56, 60.
- ¹⁰ Цит. по: *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 392, 393.
- ¹¹ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 198.
- ¹² *Михалков Н.С.* Манифест Просвещенного Консерватизма // <http://polit.ru/kino/2010/10/26manifest.html>.
- ¹³ Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Мазур И.И., Чумаков А.Н. – ред., сост. М.–СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 832.
- ¹⁴ *Гуселетов Б.* Что такое Социнтерн. Справка // http://srduma.ru/2_1016.html.
- ¹⁵ Цит. по: *Парвулеско Ж.* Путин и евразийская империя. СПб., 2006. С. 111.
- ¹⁶ *Павленко В.* Мифы устойчивого развития // *Обозреватель–Observer*. 2010. №№ 9, 10, 11. <http://www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticleID=31>.
- ¹⁷ <http://www.socialistinternational.org/about.cfm>.
- ¹⁸ *Эстулин Д.* Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. Минск, 2009. С. 116–117.
- ¹⁹ *Штоль В.В.* Армия «Нового мирового порядка». М., 2010. С. 142, 152, 159.
- ²¹ Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклада генсека ООН (2 июля 1992 г.) // Документ ООН A/47/277, п. 78. С. 24.

**Подписка на 2011 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 — на год**